

МАРГО РОМАШКА

Разводись
КРАСИВО

Марго Ромашка
Разводись красиво

«Автор»

2026

Ромашка М.

Разводись красиво / М. Ромашка — «Автор», 2026

Её жизнь рухнула в один день: фото мужа с любовницей и случайный прохожий, на которого она вылила кофе. Кто же знал, что этот прохожий – Роман, холостой миллионер, за которым охотятся все невесты города? Теперь он дарит ей открытки, целует руки и обещает: «Я подожду». Но у Оли двое детей, ни кола ни двора и бывший муж, готовый на всё, чтобы отнять их. А когда мать Романа предлагает сделку – «Брось его, и я решу твои проблемы», – Оля понимает: настоящая битва только начинается

© Ромашка М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	8
Глава 4.	10
Глава 5.	12
Глава 6.	13
Глава 7.	15
Глава 8.	16
Глава 9.	18
Глава 10.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марго Ромашка

Разводись красиво

Глава 1.

В то утро всё было как обычно. Показывала квартиру молодой паре – они спорили, поместится ли в спальню шкаф его бабушки, а я улыбалась и считала минуты до обеда. Телефон в кармане жакета нагрелся от уведомлений: школа, секции, родительский чат. Обычный вторник. Мой день начинался ровно и катился по рельсам, пока Алина из отдела ипотеки не подъехала ко мне на своём крутящемся стуле.

– Слушай, – сказала она тихо, и в этой тишине было что-то нехорошее, липкое. – А это не твой муж?

Она протянула свой телефон, розовый, в блестящем чехле. На экране фото. Я успела заметить знакомый пиджак. Тот самый, который он надевал на корпоратив в прошлую субботу, сказав, что задержится допоздна. Успела заметить его руку на чужой талии – так, как он держал меня лет десять назад, когда мы ещё не были «мама» и «папа», а просто Оля и Витя. И губы. Его губы на чужих губах. Двери отеля. Вспышка чужой камеры, которая сейчас жгла мне глаза.

– Оль, ты чего? – Алина попыталась убрать телефон, но поздно. Я уже всё увидела.

Я вернула ей мобильник деревянными пальцами. В груди сначала стало очень горячо, словно глотнула кипятка, а потом – пусто. Звенящая, хрустальная пустота, в которой помещалось только одно слово: «Значит, не показалось». Ведь я знала. Конечно, знала. По его задержкам, по новому одеколону, по тому, как он отворачивался к стене, делая вид, что спит, пока я пересчитывала в уме кредиты и кружки младшего. Просто одно дело – догадываться, кутаясь в душевные подозрения бессонными ночами. И совсем другое – увидеть. Чётко. Ярко. У дверей отеля. Подозрение в том, что мой собственный муж мне изменял начались с момента, когда я впервые заметила на воротнике его рубашки след губной помады – и даже если Витя клялся, что она моя, случались моменты, только подтверждающие мою правоту.

– Мне нужно подышать воздухом, – сказала я, кажется, вслух. Коллеги притихли. Чей-то стул скрипнул.

Я шла по улице, не разбирая дороги. В горле саднило, но слёз не было. Была только злость – острая, неожиданная, отрезвляющая. И ещё голод. Дикий, почти животный, словно организм решил напомнить, что я живая и мне нужно есть, несмотря ни на что. В офисную столовку возвращаться не хотелось – там Алина, там сочувствующие взгляды, перешёптывания. Я свернула в незнакомый переулок, где пахло кофе и выпечкой. Ноги сами принесли меня к маленькой кофейне с зелёной дверью. Заказала большой капучино, самый горячий, какой смогут сделать. Прижать бы к груди, согреться, но на улице май, и солнце жарит всюду, а внутри у меня всё равно колотит озноб.

Я толкнула дверь кофейни плечом, одной рукой придерживая сумочку, другой стакан. Выходила на улицу, опустив голову, всё ещё видя перед собой эту проклятую фотографию. И тут...

Удар. Толчок. Горячее побежало по пальцам.

Я подняла глаза, уже зная, что случилось непоправимое. Передо мной стоял мужчина, только что вышедший из чёрного автомобиля, припаркованного прямо у тротуара. Высокий. Очень. В дорогом, идеально сидящем костюме, который теперь украшало огромное кофейное пятно. Белая рубашка под пиджаком моментально впитала в себя весь мой капучино. Короткие чёрные волосы, лёгкая небритость на волевом подбородке и тёмные глубокие глаза, в которых сейчас плескалось раздражение пополам с изумлением.

Я замерла, всё ещё сжимая пустой, смятый стакан. Пятно на его рубашке расплзлось, как насмешка над моим днём. Сначала муж целует другую, потом я обливаю незнакомого красавца кофе.

– Простите, – выдохнула я хрипло. – Я... я не хотела.

Он медленно опустил взгляд на свою рубашку, потом поднял его на меня. И вдруг уголок его губ дрогнул в усмешке. Нервной, но всё же усмешке.

– Обычно девушки ищут более оригинальные способы познакомиться, – произнёс он низким, с лёгкой хрипотцой голосом. – Но кофе из стакана в живот – это сильно.

Глава 2.

В голове билась какая-то ахиня, и я не знала, за что хвататься. С одной стороны – дымились лужица на асфальте и рубашка незнакомца, которую только что украсило моё капучино температурой под девяносто градусов. С другой – паника, что сейчас этот холёный тип с дорогими часами потребует компенсацию за химчистку, а у меня в кошельке только карта с остатком на детский английский и мятая тысяча наличными.

– Вам, наверное, скорую... – начала я, уже выхватывая из кармана телефон и параллельно пытаюсь сообразить, платно ли выезжает неотложка при ожогах от кофе. – То есть... я про ожоги. Горячий был очень.

Мужчина тем временем не спеша стянул пиджак, оставшись в испорченной рубашке. Мокрая ткань прилипла к груди, обрисовывая весьма подкачанное тело. Я тут же отвела взгляд. Ещё не хватало пялиться на торс незнакомца, стоя по щиколотку в своём позоре.

– Или скажите, сколько я вам должна за химчистку, – выпалила я, уже готовая проститься с той самой мятой тысячей и, кажется, частью зарплаты. – Я всё оплачу.

Он оторвал взгляд от своей рубашки и вдруг спросил:

– Сколько времени?

Я опешила. Из всего, что я тут несла – про скорую, про химчистку, про мои извинения, – он услышал только тишину, в которую захотел вставить вопрос про время?

– Эм... – я машинально глянула на экран телефона. – Четырнадцать сорок две.

Он цокнул языком и пробормотал скорее себе под нос, чем мне:

– Опаздываю. Вот чёрт. Сделка через восемнадцать минут.

Я всё ещё стояла с телефоном в одной руке и смятым стаканом в другой, пока он оглядывался по сторонам с видом человека, которому жизненно необходимо найти что-то прямо сейчас. Его взгляд скользнул по вывескам, затем вернулся ко мне.

– Вы случайно не знаете, где тут агентство недвижимости? – он назвал адрес. – Тут должно быть где-то рядом, но навигатор врет безбожно. А я на встречу, и если через пятнадцать минут меня там не будет, сорвётся контракт.

Я моргнула, затем кривовато, нервно улыбнулась, чувствуя, как реальность снова выкидывает свой любимый фокус: «Ну и совпадение, Оля».

– Знаю, – сказала я. – Я там работаю.

Он замер. На секунду в его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на недоверие. А потом он издал короткий смешок – и в этом смешке было больше удивления, чем веселья.

– Вы риелтор?

– Представьте себе, – я пожала плечами, чувствуя себя героиней какой-то идиотской комедии. Женщина обливает кофе миллионера, а через минуту выясняется, что она же должна вести его сделку. – И судя по адресу, который вы назвали, вы идёте именно в мой офис.

Он посмотрел на меня иначе, словно только что заметил. Наверное, кудрявая женщина с серыми глазами и пятнами кофе на блузке не вписывалась в его картину мира. Я вообще туда, кажется, не вписывалась.

– Ну что ж, – произнёс он, поправляя манжет, на котором расплылось очередное пятно. – Тогда предлагаю сделку. Вы проводите меня до офиса так, чтобы я успел к трём, а я забываю про химчистку и скорую.

Я спрятала телефон в карман. Обед явно закончился, не успев начаться.

– Договорились, – ответила я. – Идите за мной. Только быстро, через дворы – так короче.

Глава 3.

В офис мы вошли ровно без трёх минут три. Я толкнула стеклянную дверь плечом и сразу поймала на себе взгляд Алины – та, открыв рот, переводила глаза с меня на моего спутника и обратно. Ещё бы: час назад я выбежала бледная, с дрожащими руками, а вернулась в сопровождении высокого брюнета, от которого пахло дорогим парфюмом и моим капучино.

– Это к нам, – бросила я на ходу. – Клиент на сделку по Ленинградскому проспекту.

И тут началось то, что в нашем агентстве потом пересказывали неделю. Мужчина назвал свою фамилию. Заместитель директора вылетел из кабинета с такой скоростью, словно там пожар. Администратор поправила блузку. Даже кофемашина, кажется, загудела тише. Роман. Тот самый Роман. Легенда всех риелторов. Человек, который покупает недвижимость, как я – молоко в супермаркете. Быстро, не глядя на ценник, и всегда в премиум-сегменте.

Я знала о нём по слухам, пересказанным в курилке. Говорили, он владеет компанией по производству техники, состояние – с восемью нулями, характер – нордический, личную жизнь не обсуждает. Вживую я его не видела никогда. До сегодняшнего дня. До того, как вылила на него кофе, приняв за обычного прохожего.

Он сел за стол переговоров, даже не попросив воды или салфетку. Пятно на рубашке подсыхало, но не делало его менее внушительным. Наоборот – придавало какую-то опасную небрежность, словно он настолько выше всех этих условностей, что может позволить себе выглядеть как угодно. Документы легли перед ним веером. Он пробежал глазами строчки, задал два коротких вопроса юристу и взял ручку. Подпись. Ещё одна. И всё.

Сумма в договоре была больше, чем годовая зарплата всего нашего офиса. А он подписал это так легко, как я расписываюсь в школьном дневнике младшего.

Когда он уходил, то на секунду задержался около моего стола. Я подняла голову.

– Кофе был неплох, – сказал он негромко. – Хотя я предпочитаю пить его, а не носить на себе.

Он ушёл. А я ещё долго смотрела на дверь, чувствуя странный отзвук внутри – что-то среднее между любопытством и досадой.

Вечер навалился, как мокрая подушка. Душная, тяжёлая, не дающая дышать. Я сидела на кухне перед открытой тетрадью Мити. Младший корпел над математикой, грыз карандаш и периодически вздыхал так, словно решал не примеры, а мировые проблемы. Старший был у бабушки. За окнами темнело, на плите остывал вчерашний ужин – сегодня готовить было лень. В голове крутился день: фотография мужа, кофе, чёрный автомобиль, подпись на миллионном контракте.

Щёлкнул замок входной двери. Я услышала тяжёлые неровные шаги. Пьяные. В коридоре что-то грохнуло – кажется, он задел вешалку. Митя поднял на меня испуганные глаза. Я погладила его по вихрастой макушке, встала и вышла в прихожую.

Витя стоял, привалившись к стене. Галстук съехал набок, от него разило коньяком и чем-то сладким, приторным. А на левой скуле – яркий, чёткий след от помады. Вишнёвый. Словно печать. Словно подпись под той фотографией, которая до сих пор жгла мне память.

– Ужинать давай, – буркнул он, не глядя на меня. – Сварганила хоть что-то? Я голодный.

– Супа нет, – сказала я тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Есть вчерашние котлеты. Разогреть?

Он скривился.

– Я целый день вкалываю, а ты даже кастрюлю на плиту поставить не можешь? Сидишь дома, бездельничаешь.

Вот тут внутри меня что-то щёлкнуло. Так же, как входной замок минутой ранее. Только громче. Я ведь работала. Крутилась как белка. Сделки, ипотеки, просрочки, родительские собрания. Дети, дом, его рубашки, которые он даже в стирку не донесёт. А теперь ещё и эта вишнёвая подпись на щеке. И он смеет говорить мне про суп?

– Бездельничаю? – мой голос взлетел, и я сама его не узнала. – Ты, который заявляешься пьяный, с чужой помадой на лице, и требуешь ужин? Ты серьёзно сейчас, Вить?

Он дёрнулся, как от пощёчины. На мгновение в мутных глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Но алкоголь быстрее – он залил этот страх злостью.

– Ты на кого голос повышаешь?! – рявкнул он. – Я деньги в дом несущу!

– Деньги ты несёшь? – я горько рассмеялась. – А я, значит, просто так живу? А кто с твоими детьми сидит? Кто за твоей матерью в больницу мотается?

Слово за слово и кухня превратилась в ринг. Митя тихо выскользнул в свою комнату, я слышала, как он закрыл дверь. Витя шагнул ко мне, пошатнувшись. Я не отступила. Тогда он ударил кулаком прямо в стену. Штукатурка жалобно хрустнула, с потолка посыпалась побелка. Я вздрогнула всем телом, но не закричала. Только сердце пропустило удар.

Он тяжело дышал, глядя куда-то мимо меня, в стену, которую только что покалечил. А потом сипло выдохнул с ненавистью:

– Давай развод! Хватит! С меня хватит!

И в наступившей тишине стало слышно, как на кухне капает вода из неплотно закрученного крана. Кап. Кап. Кап.

Я смотрела на него – на человека, которому когда-то сказала «да». На отца своих детей. На мужчину с вишнёвым поцелуем на щеке. И внутри, под слоем усталости и горечи, медленно просыпалось что-то похожее на ледяное, спокойное решение.

– Хорошо, – сказала я одними губами. – Развод – значит, развод.

Глава 4.

На следующий день я сидела на работе, уставившись в монитор. На экране мигал курсор. Я должна была заполнять карточку объекта, но пальцы зависли над клавиатурой, а мысли текли куда-то в сторону, вязкие и тяжёлые, как патока. Развод. Это слово не помещалось в голове. Оно было слишком большим, слишком острым. Оно царапало изнутри каждый раз, когда я пыталась подумать о будущем.

– Оль, ты чего? – Алина подкатилась на своём стуле. Осторожно, как к раненому зверю.
– Выглядишь... ну, не очень.

Я вздохнула и покачала головой. Говорить трудно. Слова застревали где-то в горле, превращаясь в комок. Как объяснить коллеге, что твой двенадцатилетний брак только что треснул по швам? Что муж, вернувшись пьяным с чужим поцелуем на щеке, сам крикнул про развод, а ты просто сказала «да»? Что утром ты собирала детей в школу с каменным лицом, а младший, Митя, спросил: «Мам, а папа больше не будет кричать?» – и ты не нашлась с ответом?

– Всё нормально, – соврала я сипло. – Просто не выспалась.

Алина не поверила, но отстала. За что ей спасибо. Через час ко мне подошёл начальник отдела. Андрей Петрович, грузный мужчина с одышкой и вечно расстёгнутой верхней пуговицей рубашки, положил передо мной папку.

– Ольга, съезди по этому адресу, – сказал он. – Договор аренды надо помочь заключить. Там нюансы есть, клиент просил грамотного специалиста.

Я открыла папку, пробежала глазами адрес. И замерла. Тот самый дом. Особняк на Ленинградском проспекте, который вчера купил Роман. Я узнала его – риелторы запоминают объекты, как врачи – диагнозы. Этот был из разряда «незабываемых»: четыреста квадратов, зимний сад, панорамные окна.

– Босс, – позвала я, но он уже ушёл, махнув рукой.

Вот так я и оказалась через сорок минут перед массивными воротами, которые плавно разъехались, едва я назвала своё имя в домофон. Двор был выложен брусчаткой, вдоль дорожки цвели какие-то невероятные белые цветы, а у крыльца стоял всё тот же чёрный автомобиль. Сердце пропустило удар. Глупое, чего ты? Это просто клиент. Просто работа.

Дверь открыла женщина. Высокая, стройная, с такими же тёмными волосами и пронзительными глазами, как у Романа. Та же порода, та же уверенная осанка. Сестра – догадалась я сразу. Сходство было очевидным, хоть и не бросалось в глаза крикливо, а скорее угадывалось в чертах, в повороте головы, в изгибе губ.

– Ольга? – улыбнулась она. – Проходите. Я Вероника. Можно просто Ника.

Внутри дом оказался ещё более впечатляющим, чем снаружи. Светлый мрамор, простор, воздух, пахнувший деревом и чем-то свежим. Но рассматривать интерьер мне не дали – из гостиной вышел он. Роман. В светлых брюках и простой серой футболке. Без пиджака, без своей брони дорогого костюма. И всё равно – аура та же. Собранный, мощная, чуть насмешливая.

– Надо же, – произнёс он, узнав меня. – Риелтор, который подаёт кофе прямо на одежду. Добрый день.

Я слабо улыбнулась, чувствуя, как горят кончики ушей. Ника переводила взгляд с брата на меня, явно заинтригованная. Мы быстро обсудили детали аренды. Как оказалось, Роман купил этот дом для сестры – она переезжала в город после развода и хотела снять что-то временное, пока не обустроится. Странно, но меня кольнула мысль: «Зачем родным договор аренды? Могли бы просто жить». Но лезть в чужие дела я не стала.

Пока Ника отвлеклась на телефонный звонок, Роман подошёл ближе. Я почувствовала его присутствие кожей – как сгусток воздуха перед грозой.

– Что-то случилось? – спросил он негромко.

Я подняла на него глаза. В его голосе не было пустого любопытства. Только спокойная, уверенная интонация человека, который привык замечать детали.

– С чего вы взяли?

– У вас вид, – он чуть склонил голову, – как у человека, который держится из последних сил.

И тут меня прорвало. Не знаю почему. Может, потому что он был чужой. Может, потому что устала таскать это в себе. А может, просто потому что иногда легче признаться незнакомцу, чем самым близким.

– Я развожусь, – сказала я.

Слова упали в тишину гостиной и остались лежать между нами.

Глава 5.

В гостиной повисла пауза. Короткая, но достаточно долгая, чтобы я успела пожалеть о сказанном. Зачем я это лягнула? Перед ним – человеком, который покупает особняки не глядя? Кому какое дело до моих семейных драм?

Роман не отреагировал ни жалостью, ни неловкостью. Он просто стоял, засунув руки в карманы светлых брюк, и смотрел на меня. В его тёмных глазах читалось не любопытство, а что-то другое. Понимание? Возможно. Или мне просто хотелось его увидеть.

– Знаете что, – сказал он вдруг. – Вам надо развеяться.

Я моргнула.

– Развеяться?

– Именно. Есть тут один ресторан, – он чуть повернул голову, словно припоминая. – Морепродукты, терраса с видом на воду, вино приличное. Ника туда постоянно таскает своих подруг, когда у них случаются личные катастрофы. Говорит, помогает.

Я невольно хмыкнула. Это прозвучало так по-мужски: предложить ужин как панацею от развода. Но в его тоне не было пошлости или намёка. Только лёгкая настойчивость человека, который привык решать проблемы быстро и эффективно. У тебя рухнет жизнь? Немедленно организуем терапевтический ужин с устрицами.

– Спасибо, конечно, – я покачала головой. – Но это как-то... неловко.

– Что именно?

– Всё, – я развела руками. – Мы с вами знакомы от силы... – я задумалась, подсчитывая в уме. – Часа два-три, если собрать все наши встречи в кучу. Даже меньше. Я облила вас кофе, вы подписали сделку, теперь вот договор аренды. И вдруг – ресторан? С чего бы?

Он выслушал мою тираду, не перебивая. И пожал плечами – легко, словно я только что перечислила не причины для отказа, а пустяковые формальности, которые взрослые люди могут игнорировать.

– Три часа вполне достаточно, чтобы понять, хочешь ли ты поужинать с человеком, – произнёс он. – В моём случае – да. В вашем – решать вам.

Вот так просто. Никаких уговоров, никаких «ну пожалуйста». Он бросил предложение к моим ногам и отошёл в сторону, к панорамному окну, за которым покачивались верхушки деревьев. Давая мне пространство. Давая мне выбор.

Я смотрела на его широкую спину, обтянутую серой футболкой, на короткие чёрные волосы, на руки, которые он снова убрал в карманы. И чувствовала странное, забытое ощущение. Словно кто-то – посторонний, чужой – только что увидел во мне не мать двоих детей, не обманутую жену, не риелтора с ипотекой и кругами под глазами. А просто женщину, которую хочется пригласить на ужин.

Внутри боролись два голоса. Один – привычный, строгий, голос здравого смысла – твердил, что это безумие, что я на грани развода, что у меня дети, что приличные женщины не ходят в рестораны с мужчинами, которых знают три часа. Второй – тихий, почти забытый – шептал: «А почему, собственно, нет? Твой мужёк вон по отелям шастает, а ты даже поужинать не можешь?»

– Выбор за мной, – повторила я его слова, пробуя их на вкус.

– Абсолютно, – отозвался он, не оборачиваясь.

Я вздохнула. Кажется, сегодняшний день снова выходил из-под контроля.

Глава 6.

Я стояла посреди гостиной и чувствовала, как тишина давит на плечи. За окном ветер качал верхушки деревьев, где-то наверху разговаривала по телефону Ника, а передо мной по-прежнему был он. Роман. Ждал ответа с таким спокойствием, словно речь шла о выборе марки кофе, а не о моей жизни.

– Хорошо, – выдохнула я. – Я согласна.

Он обернулся. На губах – едва заметная улыбка. Не торжествующая, нет. Скорее удовлетворённая. Так улыбаются люди, которые привыкли получать ответ «да», но именно это «да» оказалось для них чуть важнее остальных.

– Отлично, – сказал он. – Тогда завтра в восемь. Адрес скину сообщением.

Я ушла из особняка в странном состоянии. Реальность слегка покачивалась, как картинка в старом телевизоре. Я – сорокадвухлетняя мать двоих детей, женщина с треснувшим браком и кругами под глазами – только что согласилась на ужин с мужчиной, который покупает особняки как булочки. Что я творю?

Вечером, оставшись одна на кухне, я позвонила маме. Попросила забрать мальчиков завтра с ночёвкой. Она, конечно, спросила зачем. Я соврала что-то про срочную сделку в другом конце города. Мама не поверила – она всегда чувствует ложь, – но промолчала. Только вздохнула в трубку и сказала: «Оленька, береги себя».

Утром я собиралась на работу как обычно: кофе, бутерброды детям, поиск второго носка Мити под диваном. Но в затылке весь день пульсировала мысль: «Сегодня. В восемь». Я дважды перепроверила сообщение от Романа. Название ресторана, адрес. Всё по-деловому, без смайликов и лишних слов. И всё равно это было самое волнительное сообщение в моём телефоне за последние лет десять.

В шесть вечера я заперлась в ванной. Достала из шкафа платье, которое не надевала года два. Слишком нарядное, слишком открытое, слишком... не для школьных собраний и не для походов в супермаркет. Тёмно-синее, в мелкую серебряную нить. Я влезла в него, задержав дыхание. Сидит. Чуть теснее, чем раньше, но сидит. Из зеркала на меня смотрела женщина с рыжими кудрями и серыми глазами, в которых тлел давно забытый огонёк.

Я подкрасила ресницы, тронула губы помадой, которую покупала полгода назад «на выход», но выхода так и не случилось. Достала туфли на каблуке. Покачнулась, привыкая. Отвыкла.

В такси я ехала молча, глядя в окно на проплывающий город. Телефон мигал уведомлениями от мужа: «Где дети?», «Почему ты не отвечаешь?», «Я же просил купить стиральный порошок». Я отключила звук и убрала мобильник в сумочку.

Ресторан оказался именно таким, как описывал Роман: терраса над водой, плетёные кресла, свечи в стеклянных шарах и запах моря – или того, что в городе за него выдавали. Я вошла, чувствуя себя самозванкой. Огляделась.

Он сидел за столиком у края террасы. Заметил меня сразу. Поднялся. И в его глазах мелькнуло что-то, отчего я забыла, как дышать. Не удивление. Не вежливый интерес. Нет. Что-то более глубокое и тёплое.

– Вы пришли, – сказал он.

– Как видите.

– Честно говоря, – он отодвинул для меня стул, – я не был уверен до конца. Думал, передумаете.

– Я почти передумала, – призналась я, садясь. – Раз десять.

– Но пришли.

– Но пришла.

Он улыбнулся широко, открыто, без своей обычной сдержанной усмешки. И от этой улыбки его лицо стало совсем другим. Моложе. Проще.

– Тогда предлагаю начать с шампанского, – сказал он, подзывая официанта. – У меня такое чувство, что нам обоим есть что отметить.

Я хотела возразить – мол, какое шампанское, у меня завтра работа, у меня дети, у меня жизнь трещит по швам. Но вместо этого кивнула. Потому что он был прав. Нам действительно было что отметить. Например, то, что я всё-таки пришла.

Глава 7.

Шампанское оказалось ледяным и колючим – именно таким, какое нужно, чтобы привести мысли в порядок. Я сделала глоток, чувствуя, как пузырьки лопаются на языке, и посмотрела на Романа поверх бокала. Он не отводил взгляда. И это сбивало с толку. Я отвыкла, чтобы на меня так смотрели. Не оценивающе, не с упрёком, не с пьяной претензией. А просто – с интересом.

– Можно вопрос? – спросила я, ставя бокал на белую скатерть.

– Валяйте.

– Зачем вы всё это делаете?

Он чуть склонил голову. В свечном свете его лицо казалось вырезанным из тени и золота – резкие скулы, мягкая щетина, тёмные глаза, в которых плясали огоньки.

– «Всё» – это что именно?

– Вот это, – я обвела рукой столик, террасу, воду за перилами, его самого. – Ресторан, шампанское. Разговоры. Я для вас никто. Случайная женщина, которая испортила вам рубашку. Вы не обязаны меня спасать.

Он помолчал. Покрутил свой бокал, глядя, как шампанское оставляет маслянистые дорожки на стекле.

– Когда мне было пятнадцать, мои родители чуть не развелись, – сказал он негромко. – Я не должен был знать. Они скрывали как могли. Но у меня были уши и глаза. Я видел мать. Как она сидит на кухне ночью, думая, что все спят. Как смотрит в одну точку. Как вздрагивает, когда отец повышает голос.

Я замерла. Роман говорил без пафоса, без желания разжалобить. Просто – как есть. Словно перебирал старые фотографии, которые давно пора было кому-то показать.

– Они не развелись в итоге, – продолжил он. – Перетерпели, пережили. До сих пор вместе. Но я запомнил её лицо в те недели. И ещё я запомнил, что ей не с кем было поговорить. Совсем. Подруги не знали, родня не знала. Она таскала это в себе. И я тогда подумал, что если когда-нибудь увижу женщину с таким же лицом, я хотя бы спрошу, не надо ли ей куда-нибудь сходить.

Он замолчал. Я молчала тоже. В горле стоял ком. Не от жалости к себе – от неожиданного, острого узнавания. Его мать. Моя мать. Я сама. Сколько женщин точно так же сидят ночью на кухне и смотрят в одну точку? Сколько из них никто ни разу не спросил: «Может, тебе надо развеяться?»

– Значит, у меня такое лицо? – тихо спросила я.

– Да, – просто ответил он. – Вчера утром, когда вы облили меня кофе, у вас было лицо человека, которому только что всадили нож под ребро. А сегодня лицо человека, который ещё не вытащил этот нож, но уже решил, что справится.

У меня дрогнули губы. Не знаю, что это было – попытка улыбнуться или сдержать слёзы. Я опустила глаза к своим рукам, лежащим на скатерти. Пальцы сжимали салфетку, комкая белый лён.

И тогда он сделал это. Протянул руку через стол – медленно, давая мне время отстраниться, – и накрыл мои пальцы своей ладонью. Тёплой. Сухой. Большой. Поднёс к губам и поцеловал костяшки. Не сжатые в кулак, а каждую – по отдельности. Сначала указательный, потом средний, потом безымянный, на котором ещё тускло поблёскивало обручальное кольцо.

Поцелуй вышел лёгким, почти невесомым. Но внутри у меня что-то треснуло. Как трескается лёд в конце долгой зимы.

Глава 8.

Я замерла. Его губы всё ещё касались моих пальцев, на которых холодело кольцо, купленное Витей в ломбарде десять лет назад, когда мы ещё верили, что справимся со всем. А теперь чужой мужчина целовал мои костяшки, и я не могла отнять руку. Не хотела. Это было первое прикосновение за долгое время, в котором не было ни требования, ни упрёка, ни привычки. Только тепло.

Я почувствовала, как к щекам приливает краска. Горячо, стремительно – так, будто мне снова двадцать и я не умею скрывать смущение.

– Что... что вы делаете? – выдохнула я, заикаясь на каждом слове. Голос дрогнул и куда-то провалился.

Он не выпустил мою руку. Только поднял глаза – и в них, при свете свечей, плясали те самые огоньки, от которых у меня внутри всё переворачивалось.

– Не знаю, – ответил он и пожал плечами с той же невозмутимостью, с какой покупал особняк. Уголок губ дрогнул в ухмылке – мягкой, тёплой, без тени насмешки. Большой палец медленно гладил мои костяшки, выписывая круги, от которых у меня бежали мурашки куда-то под рукав платья. – Возможно, мне просто хотелось вас порадовать.

– Порадовать? – я нервно усмехнулась. – Целуя руки?

– Ну да. Когда вам в последний раз целовали руки?

Я открыла рот и закрыла. Вопрос повис в воздухе. И ответ был... никогда. Витя не целовал мне руки. Он вообще редко целовал меня после того, как родился Митя. В щёку на бегу, в макушку, когда я болела, – и то по привычке. А вот так, сидя напротив, глядя в глаза, – никогда.

Роман понял всё без слов. И кивнул – не мне, скорее себе.

– Расскажите мне о себе, – попросил он, отпуская мою руку, но не отстраняясь. – Что-нибудь простое. Какое у вас хобби?

– Хобби? – я заморгала. – У меня двое детей, ипотека, работа и муж, который... – я осеклась. – Простите. Это не то, о чём говорят в ресторане.

– Именно то, – спокойно возразил он. – Но всё-таки – хобби. То, что вы делаете только для себя.

Я задумалась. И вдруг осознала, что понятия не имею, что ответить. Когда я в последний раз делала что-то только для себя? Не для детей, не для мужа, не для дома? Даже поход в парикмахерскую превращался в логистическую операцию, а не в удовольствие.

– Раньше я коллекционировала открытки, – сказала я неуверенно. – Смешные такие, винтажные. С видами городов, где никогда не была. Ещё в студенчестве. У меня целая коробка где-то на антресолях.

– Открытки, – повторил он, пробуя слово на вкус. – Это мило. И очень в вашем духе.

– Почему вы так решили?

– Потому что женщина, которая хранит открытки с городами, где никогда не была, – мечтательница, – он чуть подался вперёд, облокотившись на стол. – А мечтательницы редко живут так, как заслуживают. Они всё время откладывают главное на потом.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то разворачивается. Тихо, осторожно, словно цветок, который забыли полить и вдруг вспомнили.

– Вы странный, – сказала я беззлобно. – Богатый холостяк, который мог бы сейчас быть где угодно и с кем угодно, а вместо этого сидит здесь и спрашивает меня про открытки.

– Богатый холостяк, звучит как диагноз, – усмехнулся он. – Но да, я здесь. И мне интересно.

Мы замолчали. Официант принёс устриц на колотом льду. Я не ела устриц сто лет. Кажется, вообще никогда. Но взяла одну и, неожиданно для себя, улыбнулась.

– Знаете что, – сказал Роман, глядя, как я неловко орудую вилочкой, – это уже неплохое начало. Хобби, которое вы только что вспомнили. Может, завтра вспомните что-то ещё.

Глава 9.

Мы вышли из ресторана, когда вечер уже окончательно переделся в ночь. Вода внизу блестела от фонарей, воздух пах солью и чем-то цветущим. Я ёжилась в своём платье – не от холода, а от странного чувства, что реальность сейчас возьмёт и треснет, как скорлупа, выпуская наружу последствия всего, что я сегодня себе позволила.

– Я вызову такси, – сказала я, роясь в сумочке.

– Уже вызвали, – ответил Роман.

Чёрный автомобиль плавно подкатил к тротуару. Он открыл передо мной заднюю дверцу.

– Это не такси, – заметила я.

– Это лучше.

Я села. В салоне пахло кожей и чем-то древесным. На сиденье рядом лежала та самая папка с договором аренды. Всё смешалось – работа, личное, невозможное. Я назвала адрес и откинулась на спинку, глядя в окно.

Ехали молча. Но это молчание было другим – не неловким, а наполненным. В нём помещались устрицы, открытки, его губы на моих пальцах, его вопрос про хобби. В нём помещалось моё «я развожусь», которое я наконец произнесла вслух не в пустоту, а человеку, способному услышать. Роман не лез с разговорами. Он понимал, что мне нужно переварить. И за это я была ему благодарна.

Машина свернула в мой двор. Типичная девятиэтажка, облезлая лавочка у подъезда, чахлые кусты. Чёрный автомобиль здесь смотрелся как космический корабль. Я уже собиралась сказать спасибо и выскользнуть, пока никто не увидел, но что-то заставило меня поднять глаза.

На балконе второго этажа горел огонёк сигареты. Витя стоял, облокотившись на перила, и курил, стряхивая пепел в жестяную банку. Он был без футболки, в одних трениках, волосы всклокочены. И он смотрел. Прямо на машину.

Я похолодела. Не от страха. От чего-то другого. От неизбежности. Так бывает, когда долго несёшь в себе тайну, а потом она вдруг вываливается наружу самым нелепым образом.

– Подождите, – Роман тронул меня за локоть, когда я потянулась к ручке. – Я открою.

– Не надо, тут близко, я сама...

Но он уже вышел. Обошёл машину с той же неспешной уверенностью, с какой делал всё. Распахнул дверцу. Подал мне руку.

Именно в этот момент хлопнула дверь подъезда. Я увидела Витю, он катился по ступенькам с перекошенным лицом, на котором смешались изумление, злость и запоздалое осознание.

Я вышла из машины. Роман придержал дверцу, а потом – мою ладонь, помогая удержать равновесие на каблуках. Это длилось секунду. Но для Вити, застывшего в трёх шагах, – вечность.

– Какого... – выдохнул он, давясь дымом, и закашлялся.

Сигарета выпала из его пальцев на асфальт. Я видела, как его взгляд мечется: машина, мужчина, моё платье, моё лицо. Губы мужа шевелились, но слова застревали. Он так и замер на полуслове, а я стояла, чувствуя спиной тепло ладони Романа, которая всё ещё придерживала мою. И впервые за долгое время мне не хотелось ничего объяснить.

Глава 10.

Слова Вити упали в тишину двора, как что-то грязное, липкое. Я стояла у открытой дверцы автомобиля, чувствуя, как ладонь Романа всё ещё лежит на моей руке – легко, без нажима, но не убирая. Он не двигался.

А Витя тем временем переминался ногами по холодному асфальту. От него разило перегаром за версту, глаза блестели пьяной, мутной обидой. Он криво ухмыльнулся.

– Вот дела, – протянул он, качая головой так, словно только что раскусил величайший заговор века. – Мы с тобой только заговорили о разводе, а ты уже нашла себе нового мужика? Быстро. Очень быстро.

Я открыла рот, но воздух словно кончился. Он не спрашивал. Он утверждал. Выплёвывал свои догадки как приговор, не нуждаясь ни в ответах, ни в правде.

– Вить... – начала я, но он уже перевёл взгляд на Романа.

Я видела, как его глаза скользят: дорогой костюм, часы, уверенная осанка человека, который не привык извиняться за своё присутствие. А потом он глянул на автомобиль. Чёрный, блестящий под фонарём, хищный – такая машина в нашем дворе смотрелась как вызов. Как пощёчина всему, чем жил мой муж.

Витя фыркнул. Громко. Презрительно. Так, словно только что нашёл последний пазл своей картины мира.

– Продалась, значит, – сказал он, и голос его сочился ядом. – За деньги. Этот...

Он не договорил. То ли не успел, то ли не нашёл достаточно грязного слова. Может, и к лучшему.

– Витя! – мой голос прозвучал резче, чем я ожидала. Почти звонко. – Замолчи.

Он дёрнулся. На мгновение в его мутных глазах мелькнуло протрезвление. Но алкоголь – страшная штука. Он заливает всё хорошее, оставляя только осадок. Обиду. Подозрения. Желание сделать больно.

– А что, я не прав? – он развёл руками, пошатнувшись. – Явилась среди ночи на такой тачке, в платье, которое я даже не видел ни разу. Думаешь, я слепой? Думаешь, я не понимаю, как это работает?

Он снова повернулся к Роману, и на этот раз его взгляд был вызывающим. Пьяным, но вызывающим. Он хотел драки, если не физической, так словесной. Хотел, чтобы этот чужой мужчина хоть как-то оправдывался, злился, кричал в ответ. Чтобы стало ясно: да, вот оно, доказательство. Да, я был прав. Да, всё именно так, как я думаю.

Но Роман молчал. И это молчание было страшнее любого ответа. Он просто стоял, чуть прищурившись, и смотрел на Витю так, как смотрят на лужу, в которую не хотят наступать. Без брезгливости. Без страха. С лёгким, почти незаметным сожалением.

– Ты закончил? – спросил Роман негромко.

Витя поперхнулся воздухом. Он явно ждал другого. Крика, угроз, может быть, драки – с тем, в чём он привык существовать. А тут – ровный тон.

– Что? – переспросил Витя, будто ослышался.

– Я спрашиваю, ты закончил? – повторил Роман, и теперь в его голосе прорезалась едва уловимая сталь.

– Проваливай, – выдавил он наконец, глядя на Романа. – Это семейное. Не лезь.

– Уже влез, – спокойно ответил Роман, не двигаясь с места.

Я переводила взгляд с одного на другого. Два взрослых мужчины стояли друг напротив друга посреди облезлого двора, и напряжение между ними звенело, как натянутый канат. Соседка с первого этажа, вечная тётя Зина, уже прилипла к окну – я видела, как шевельнулась занавеска. Завтра весь подъезд будет обсуждать. Ну и пусть. Мне вдруг стало всё равно.

– Оля, – Витя переключился на меня, и в его голосе прорезались те самые нотки, которые я так хорошо знала. Смесь обиды и претензии. Коктейль, который он пил годами. – Может, объяснишь, что происходит? Ты шляешься неизвестно где, детей спланила бабушке, возвращаешься под утро с каким-то хмырём на дорогой тачке. Я, по-твоему, должен стоять и улыбаться?

– Ты, по-моему, должен проспаться, – ответила я устало. – И завтра, когда будешь трезвый, мы поговорим. Сейчас я не хочу. Я устала.

– Ты устала? – он горько рассмеялся. – А я не устал? Я весь день...

– Что? – перебила я, и мой голос наконец-то перестал дрожать. – Что ты весь день? Работал? А я – нет? Ты пришёл домой пьяный, с чужой помадой на щеке, и кричал про развод. А теперь стоишь тут и рассказываешь мне про семейное. Где было твоё семейное, когда ты целовал какую-то бабу у дверей отеля?

Он замер. Рот приоткрылся. Я никогда не говорила с ним так. Он привык к другой Оле: удобной, терпеливой, глотающей обиды. Но та Оля осталась где-то в прошлом. Кажется, её смыло волной капучино у дверей кофейни.

Роман сделал шаг ко мне. Не к Вите – ко мне. Встал чуть сбоку, не загромождая, не защищая, но давая понять: я здесь. И от этого простого движения внутри у меня что-то отпустило.

– Послушайте, Вить, – заговорил он, и я заметила, как он намеренно перешёл на «вы», отрезая всякую возможность панибратства. – Я не знаю вашей ситуации. Я не лезу в ваш брак. Но я вижу женщину, которая только что пережила тяжёлый вечер, и мужчину, который стоит перед ней пьяный и не контролирует себя. Оставлять её сейчас с вами я не намерен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.